

Анатолий Горбатюк

Лаокоон и его приключения в Одессе

Почти реальная история, основанная на мифах

...Думается, даже сама красавица Кассандра не могла предугадать, что Лаокоон окажется в нашем городе. Более того, почти уверен, что и появление Одессы на карте мира она также не предвидела, хоть проживала от места будущего рождения Города не так уж и далеко. А если бы все-таки предугадала и предвидела, ей бы все равно не поверили. Не поверили из-за интриг, причем интриг на самом высоком (можно даже сказать: высочайшем) уровне. Впрочем, хватит интриговать читателя. Лучше расскажем и о Лаокооне, и о троянской царевне Кассандре, дочери Приама и Гекубы, и, конечно же, об интригах...

I.

Согласно дошедшим до нас из глубины веков мифов Древней Греции, когда под стенами осажденной Трои неожиданно появилась резной, прекрасной работы огромный деревянный конь, приготовленный коварными данайцами, то есть греками, для жителей Трои как символ мира, первой забила тревогу дочь Приама, престарелого царя Трои. Это о ней великий Гомер, создавая в VIII столетии до н. э. бессмертную «Илиаду», напишет: «...Кассандра, прекраснейшая дочь Приама старца».

Но не только ослепительной красотой славилась Кассандра. Как сказали бы сегодня, *на нее положил глаз* не какой-то там обыкновенный мифический герой, а лично Феб (то есть лучезарный) Аполлон, могущественный сребролукий и златокудрый бог – охранитель света, наук и искусств, а также стад, да еще

и бог-врачеватель. И в знак своей всепоглощающей любви наградил Кассандру бесценным даром – даром пророчества, который та начала демонстрировать буквально по любому поводу, что заставляло народ считать ее великой прорицательницей, и заметим: не без основания.

Получая от Феба такие неслыханные возможности, наша красавица златокудрому богу кое-что пообещала, чем еще сильнее обострила его вполне человеческие желания. Однако, как это часто случалось с легкомысленными красавицами, и не только в эпические времена, когда дело дошло до исполнения обещания, «прекраснейшая дочь Приама старца» резко затормозила и в самый ответственный момент Аполлону категорически отказала. «Ну, мерзавка, ты еще пожалеешь! – так или приблизительно так в бешенстве отреагировал Лучезарный. – Я тебе такое устрою!..» И, чтоб вы знали, таки устроил! Нет, дара пророчества он Кассандру не лишил, но сделал так, что с того момента ее пророчествам уже никто не верил. Представляете? Барышня, в смысле царевна, вещает, пророчествует, а народ – ноль внимания. Так спрашивается: какой смысл в этой совершенно бессмысленной деятельности?..

Значит, Кассандра, увидев прекрасного деревянного коня, почувяла большую беду для Трои и ее населения, о чем сразу же стала говорить на главной городской площади: мол, не вздумайте, дорогие земляки, притаранить лошадку в город, пусть, мол, там, за крепостными стенами, и остается. Но мы ведь уже знаем, чего натворил с нашей прорицательницей злопамятный Аполлон? А здесь еще престарелый батюшка-царь *свои пять копеек вставил...*

Нет, сначала расскажем о Лаокооне. Даже не так: сначала – немного о злополучном коне, из-за которого и разыгрался весь сыр-бор...

Так вот, данайцы, они же ахейцы (так их в «Илиаде» называет Гомер), они же греки, в течение десяти лет вели бесплодную осаду города Трои – до тех пор, пока в это бесполезное предприятие не вмешался еще один знаменитый герой древнегреческих мифов, сын Лаэрта, Одиссей. Он и подсказал осаждавшим вполне дьявольскую хитрость с деревянным конем, недаром ведь назывался окружающими хитроумным. А уловка эта заключалась в следующем. Под руководством Эпея, который, помимо того что

был греческим воином, оказался и вполне приличным зодчим, соорудили данайцы огромных размеров красивого деревянного коня, в котором спрятались несколько смельчаков, и выставили его под крепостные стены. Сами же в полном составе демонстративно, на виду облепивших крепостные стены троянцев, погрузились на корабли и ушли в море.

Вот тут и началось... Ошалевшие от радости по поводу снятия блокады горожане почти единодушно решили затащить коня внутрь крепости. Одни из них считали его просто оставленным ахейцами символом примирения, но большая часть поверила громче всех распинавшемуся на городской площади некоему Синону, уверявшему толпу, что конь этот – попытка греков умиловать Афины, одну из самых почитаемых богинь Древней Греции, покровительницу военной стратегии и мудрости. Простодушные троянцы, раскрыв рты, слушали, что им *втирал* этот велеречивый говорун Синон. Откуда им было знать, что Синон, накануне перебежавший в еще осажденную Трои от данайцев, был самым настоящим вражеским лазутчиком? А если бы они еще узнали, что его ближайшим другом являлся сам Одиссей хитроумный... Но, как известно, история, даже древняя, не имеет сослагательного наклонения, потому и стояли несчастные жители Трои с раскрытыми ртами, потому и поверили, что если горожане проявят пренебрежение к коню, это отвернет от них могущественную Афины. Если же троянцы примут дар, та же Афина сделает Трои непобедимой. Правда, чтобы затащить громоздкий дар в город, придется разорвать участок крепостной стены, но это сушая мелочь по сравнению с ожидающими горожан благостями...

Кассандра кричит, что Синон – засланный лгун, что в коне прячутся вооруженные воины. С нулевым, как мы знаем, результатом. И вот в этом месте на воображаемую сцену выступает Лаокоон... Внесем ясность в вопрос, что представлял собой этот герой, чье прекрасное скульптурное изображение украшает одно из центральных мест нашей Одессы, полагаясь, опять-таки, на дошедшие до нас через тысячелетия мифы Древней Эллады.

...Когда верховный жрец троянского храма Аполлона за какую-то, явно тяжелую, провинность был подвергнут весьма распространенной в те времена казни через побитие камнями,

а произошло это, когда осада Трои только начиналась, горожане решили назначить на освободившуюся таким необычным образом весьма небезопасную должность жреца храма Аполлона и по совместительству местного прорицателя – Лаокоона. Временно, до окончания военных действий. Так сказать, врию, то есть временно исполняющим обязанности. Кто же мог знать, что война затянется на десяток лет?

Казалось бы, зная, как закончил свою деятельность предшественник, – занимайся себе мирскими делами и особенно не высывайся... Так нет же, выиграла кровь прорицателя (мол, не напрасно хлеб ем!), и выступивший на городскую площадь Лаокоон в самый разгар дебатов с криком, долетевшим до наших дней: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» – бросился поддерживать Кассандру. Мол, точно, в чреве коня засели супостаты. Более того, вспомнив, что он еще и воин, врию верховного жреца изо всех своих прорицательских сил метнул в деревянную лошадь копьё, да так удачно, что содрогнулись сидящие в деревянном чреве смельчаки и выронили от неожиданности из рук мечи, которые зазвенели при падении. Повезло им, что в таком диком оре этот звон никто на площади не услышал.

Увидев, что его проникновенная речь повлияла на толпу точно так же, как и заклинания Кассандры, и, кроме наркотических речей Синона, поглупевшие буквально на глазах троянцы ничего не воспринимают, Лаокоон пошел на крайнюю меру – призвал себе в поддержку престарелого царя Приама, мол, объясни этим недоумкам, что я говорю истину. Но какой прок от безвольного старца, да еще отравленного речами дружка Одиссея? Мысленно плюнув на утратившую всякий рассудок толпу и не желая попусту тратить время, огорченный прорицатель решил заняться делом. Он зовет своих сыновей, и вместе они направляются в храм, чтобы принести жертву Посейдону, могущественному богу морей. Вот здесь эту троицу и ожидал весьма неприятный, мягко говоря, сюрприз.

Пока Лаокоон совершал возле алтаря определенные ритуальные действия, две огромные змеи, выбравшиеся из морских пучин и вползшие в храм, обвинили смертельными объятиями его сыновей и задушили их. Лаокоона, бросившегося на помощь сы-

новьям, постигла та же участь. Здесь мы сталкиваемся с двумя версиями. Согласно одной, змеи были посланы богом Аполлоном за то, что Лаокоон, нарушив клятву, данную ему, не только женился и обзавелся детьми, но еще и позволил себе возлежать с молодой супругой непосредственно в его, Аполлона, храме! Все-таки мстительный это народ – древнегреческие боги! А может быть, и не мстительный, потому что, согласно другой версии, змей послала на расправу с Лаокооновым семейством богиня Афина, чтобы заставить троянцев поверить Синону.

Как бы там ни было, совершив свое черное змеиное дело, посланцы кого-то из богов вползли якобы в храм Афины и укрылись под ее эгидой. Увидевший это царь Приам, слабо соображающий старец, сделал окончательный вывод: Лаокоон наказан за бросок копья в священного деревянного коня. Он дал команду втащить коня в город, для чего сразу же был разобран участок крепостной стены. Участь Трои была решена, потому что ночью лазутчик Синон, друг Одиссея хитроумного, выпустил из чрева коня греческих воинов, которые открыли крепостные ворота. Через них, а также через брешь в стене в Трою хлынули данайцы, которые далеко, ясное дело, не отплывали, а временно притаились на находящемся рядышком необитаемом гористом островке Тендос и под покровом ночи вернулись обратно. Троя была разграблена и разрушена.

Автор, несомненно, выразил бы сожаление по поводу гибели цветущего города Трои, если бы не одно существенное обстоятельство: в стане данайцев находился Одиссей хитроумный – любимый герой и предмет подражания Иосифа де Рибаса – основателя Одессы и, в свою очередь, любимого героя самого автора...

II.

Уж и не знаем, чем это объяснить, но факт неопровержим: даже по прошествии многих столетий миф «Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями» являлся безусловным лидером среди всех дошедших мифов из Древней Греции. Даже при раскопках Помпеи были найдены фрагменты фресок на эту тему.

Но главное событие по данному сюжету произошло, конечно же, в I столетии до н. э., когда три мастера (вскоре их будут называть не иначе как «три великих мастера») с острова Родос – Агесандр, Полидор и Афинодор – создали из цельного, заметьте, куска белоснежного мрамора великолепную скульптурную группу на эту неумирающую тему.

Проходит одно приблизительно столетие, и великолепное творение родосских скульпторов, как пишет в «Естественной истории» знаменитый древнеримский энциклопедист и писатель Плиний Старший (Гай Плиний Секунд), оказывается во дворце римского императора Тита, чье полное имя Тит Флавий Веспасиан. Впрочем, своими деяниями этот император, являвшийся полным тезкой своего отца, заслужил у истории право именоваться просто именем Тит. Деяния его были весьма противоречивы, а порой чрезмерно жестоки, но своим народом он был обожжаем и, хоть правил всего два года, уйдя в мир иной в 79-м году на сорок втором году жизни, после смерти был обожествлен. А то, что скульптура с Родоса украсила его дворец, говорит еще и о высоком художественном вкусе Тита. Да и в наш рассказ этот император попал исключительно из-за такого замечательного качества, как тяга к прекрасному...

Почти на полторы тысячи лет уникальное творение Агесандра и К^о выпало из поля зрения человечества и лишь с эпохой Возрождения сенсационно всплыло из небытия, и только благодаря вступившему в Риме в 1503 году на папский престол Джулиано делла Ровере, принявшего имя Юлия II. Именно он, Юлий II, – выдающийся дипломат и политик, прославившийся еще и на поле брани, за что назывался Грозным, – именно он распорядился приступить к массовым археологическим раскопкам в поисках утраченных шедевров античного искусства. И все потому, что был Юлий II еще и большим ценителем прекрасного, не случайно всячески поддерживал великого Микеланджело, создателя великолепной статуи «Моисей», «Мадонны с младенцем», росписи свода Сикстинской капеллы и других бессмертных произведений, как и не менее великого художника Рафаэля. При этом папе, собственно говоря, и был основан Ватиканский музей.

Так вот, среди прочих находок при проведении раскопок оказался и «наш» «Лаокоон». Об этом рассказывает в очерке «Раз Лаокоон, два Лаокоон, или Воскресная прогулка по Эрмитажу» Мария Павлова: «...14 января 1506 года, копаясь в винограднике на холме Эсквилин около церкви Санта-Мария-Маджоре, простой итальянский крестьянин вдруг начал находить части скульптурного мрамора. Вначале высвободилась из земляного плена рука, потом появилась голова немолодого бородатого мужчины, затем показались вздувшиеся кольца змеи. Мрамор был чистый, белый, красивый, словно статуя и не лежала в земле... Почти немедленно фрагменты были идентифицированы как принадлежность части именно той скульптурной группы Лаокоона, которая стояла во дворце древнего императора Тита...».

Вскоре по указанию папы бесценная находка была установлена в специально сработанной нише во «Дворе скульптур» (Бельведере) Ватиканского музея. Там она покоится и сегодня – рядом с Бельведерским торсом, Аполлоном Бельведерским, Спящей Ариадной, Нилом... Впрочем, однажды «Лаокоону» пришлось покинуть «насиженное» место, о чем мы расскажем ниже.

Следует сказать, что тогда, в 1506 году, скульптурная композиция была обнаружена далеко не в безукоризненном состоянии: отсутствовали некоторые важные ее детали, и, хоть окружающая местность была перелопачена вроде бы самым серьезным образом, часть фрагментов оказалась безвозвратно утерянной. Не были найдены правые руки самого Лаокоона и его сыновей. Деятельный Юлий II сразу же после установки «Лаокоона» в Бельведере обратился к самому Микеланджело с предложением заняться реставрацией бесценной находки. Каково же было его разочарование, когда он услышал в ответ категорический отказ: Микеланджело заявил, что он не позволит себе касаться творения гениальных мастеров. Представляете – он, Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони, великий скульптор и художник, архитектор и поэт, изобретатель и философ, перед творениями которого и сегодня трепещет мир, – и вдруг такое!.. Это был оглушительный удар для папы, который не только покровительствовал Микеланджело, но и считал своим другом!

Как вы уже понимаете, Юлий II был не тот человек, который пасует перед возникшими трудностями. Он приводил доводы, казалось бы, непроверяемые, мол, нужно спасать жемчужину мирового значения, и кто, в конце концов, если не ты?! Но, как говорится, нашла коса на камень... Компромисс все же был найден. Реставрационные работы по предложению несговорчивого гения были поручены его достойному ученику и единомышленнику Джованни Монторсоли и благополучно закончены в 1532 году. Ему же была поручена реставрация Аполлона Бельведерского. Монторсоли становится знаменитым. А к чести двух великих спорщиков – папы и Микеланджело – следует заметить, что они сохранили дружеские отношения, и когда папа Юлий II в положенный час ушел в лучший мир, Микеланджело создал своему покровителю и другу прекрасную гробницу, которой и сегодня можно полюбоваться в римской церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи...

Но вернемся к реставрационным работам. В каком положении находились в скульптурной композиции утерянные руки, реставратора мало интересовало, потому что в эпоху Возрождения при восстановлении античных скульптур вовсе не считалось дурным тоном, а тем более – незаконным, «пофантазировать» на тему утерянных деталей. Более того, при реставрации статуи Аполлона Бельведерского Монторсоли, как пишет в работе «Искусство Древней Греции» Б.Р. Виппер, прибегнул к приему «вполне закономерному в то время: переполировал всю фигуру Аполлона – тем самым в определенной мере исказил первоначальную подлинную форму и фактуру скульптуры». Иными словами, переделал статую на свой вкус. И вообще, по утверждению С.А. Жебелева, автора «Введения в археологию», «Даже сохранившиеся античные части реставраторы заменяли новыми, если они почему-либо им не нравились». Так что над такой «мелочью», как руки, при реставрации «Лаокоона» Джованни Монторсоли точно долго не думал, и многие поколения посетителей Ватиканского музея с восхищением любовались скульптурным изображением Лаокоона с простертыми вверх руками, и копии с него – удачные и не очень – расходились по миру вплоть до начала XX века.

Одна из копий, выполненная известным итальянским скульптором Паоло Андреа Трискорни и выкупленная у него в 1798 году,

покоится в Иорданской галерее Санкт-Петербургского Эрмитажа. Современный российский писатель и публицист Михаил Веллер ошибочно называет автором ее знаменитого итальянского скульптора Паоло Трубецкого, творившего в Санкт-Петербурге в 1897-1906 годах, создателя многострадального монумента Александру III, но к рассматриваемой копии никакого отношения не имеющего.

Другая копия «Лаокоона», работы менее известного итальянского мастера Карла Чеврана, в 1870 году оказалась в Одессе. История эта, как и большинство историй, связанных с Одессой, требует отдельного подробного рассказа, и к ней мы обязательно вернемся. Но обо всем по порядку.

...В первой четверти XX столетия в мире искусства грянула очередная сенсация: при археологических раскопках, проводимых известным специалистом – австрийским археологом Людвигом Поллаком, членом-корреспондентом Германского археологического института и почетным профессором нескольких подобных научных учреждений, был найден навсегда, казалось бы, утраченный подлинный фрагмент правой руки Лаокоона. Задавать вопрос, куда смотрели те нерадивые археологи в самом начале XVI века, как все понимают, уже некому, а наказать бы их стоило самым суровым образом, потому что сейчас найден был фрагмент *согнутой* руки! А как мы знаем, в Бельведере рука-то прямая! И в многочисленных копиях – тоже!..

После длительных раздумий, растянувшихся на несколько десятилетий, в середине 1950-х гг. было принято единственно правильное решение, и найденный фрагмент руки занял свое законное место в скульптурной группе, а перед этим состоялась «ампутация» руки – фантазии на вольные темы скульптора Монторсоли. Как результат – все копии, разошедшиеся по свету, включая Санкт-Петербургскую и Одесскую, тянут руки вверх, а оригинал согнул руку в локте. Это же надо! Фантастика какая-то!..

Но самое удивительное: экскурсоводы, проводящие сегодня экскурсии по Ватиканскому музею и демонстрирующие «Лаокоона», утверждают, что, судя по качеству реставрации этой скульптуры, ее наверняка осуществил... Микеланджело. Вот так!..

«Лаокоон» в Ватиканском музее (правая рука Лаокоона согнута!)

III.

...Возникает необходимость вернуться в начало XVI столетия, потому что в 1515 году «Лаокоона» заметил король Франции Франциск I, и не просто заметил, а потребовал его в виде контрибуции после победы под Мариньяно.* В это время папой уже «работал» Лев X, видимо, тот еще хитрован. Он не мог отказать королю-победителю, поэтому всучил ему довольно удачно выполненную известным итальянским скульптором Баччо Бандинелли копию, естественно, под видом оригинала. Счастливый (но недалекий) Франциск I со всеми подобающими предосторожностями транспортировал ее в Париж, откуда она через какое-то время исчезла, чтобы объявиться впоследствии в одной из галерей Флоренции...

* Ключевое сражение войны Камбрейской лиги за обладание герцогством Миланским 13-14 сентября 1515 года у города Мариньяно (сейчас – Меленьяно, к юго-востоку от Милана) между армией французского короля Франциска I, которая включала в себя отряды венецианцев и немецких наемников, и швейцарскими наемниками миланского герцога Массимилиано Сфорца.

Как мы упомянули мельком, «Лаокоону» все же пришлось однажды покинуть Ватиканский музей. Это произошло в 1797 году, когда успешно завершивший итальянский поход Наполеон увез его в Рим. Правда, ненадолго: после заточения узурпатора на острове Святой Елены «Лаокоон» в 1814 году вернулся «из ссылки» в Ватикан. Будем надеяться, навсегда.

Между прочим, Иоганн Вольфганг фон Гете, великий немецкий поэт и мыслитель, посетивший Ватиканский музей незадолго до визита в него Наполеона, не мог остаться равнодушным при виде «Лаокоона» и даже написал восхищенную статью, помещенную в журнале «Пропилеи», где с восторгом говорит об «идеале и величии» этой прекрасной статуи.

* * *

А теперь подробно расскажем о копии «Лаокоона», исполненной Карлом Чевраном в 1870 году по заказу удачливого одесского предпринимателя и гласного Одесской городской думы. Его зовут Григорий Григорьевич Маразли. Этот выдающийся человек заслуживает отдельного обстоятельного рассказа, а здесь мы буквально фрагментарно поведаем о его деяниях во благо Одессы.

Получив от отца серьезное наследство, он сумел значительно умножить его, при этом активно участвуя в общественной жизни Города. Григорий Григорьевич четко следовал негласному правилу одесских предпринимателей того времени, забытому, к сожалению, в современной Одессе: если Город помог тебе состояться – ответь ему тем же. И Маразли, великий благотворитель и меценат, отвечал. Не случайно он пользовался любовью и глубоким уважением горожан, пожелавших видеть Григория Григорьевича после пребывания на посту гласного Городской думы в кресле городского головы, которое он занимал целых 17 лет – с 1878 по 1895 гг.!

При нем Одесса становится одним из самых богатых и красивейших городов не только Российской империи, но и Европы. В период его правления она получила городскую публичную библиотеку, народную читальню, бактериологическую станцию, музей изящных искусств (ныне – художественный музей), народное

училище, приют для престарелых, столовую для бездомных детей, ночлежный приют, ботанический сад, Городской театр, трамвай, водопровод, почтамт, первый стадион, другие важнейшие объекты, на многие из которых он отдавал личные сбережения. Незадолго до смерти Маразли пожертвовал Городу собственную библиотеку, которую собирал всю жизнь. И стоит ли удивляться, что бывшая улица Михайловская по решению Городской думы, утвержденному императором, *еще при жизни Маразли* получила его имя? Второй случай в истории Одессы – после Ланжерона!..

Григорий Григорьевич много путешествовал, часто бывал в Европе. В одной из поездок в 1870 году он увидел картину знаменитого испанского художника Эль Греко «Лаокоон» и был настолько очарован ею, что начал подумывать о приобретении этого шедевра, но, попав в Ватиканский музей и оказавшись возле знаменитой скульптуры на тот же сюжет... Великий испанец отходит на второй план: Маразли сразу же заказывает копию скульптуры, которая и была исполнена в каррарском мраморе, причем, по утверждению экспертов, именно она оказывается лучшей в мире копией! А картина Эль Греко через некоторое время благополучно пересекла океан, и сегодня является подлинным украшением одной из галерей Вашингтона...

В том же 1870 году копия Карла Чеврана (еще раз с удовольствием подчеркнем: лучшая копия в мире!) прибывает в Одессу. Часто приходится слышать: мол, Григорий Григорьевич подарил ее Городу. Да ничего подобного! Сделав, как мы знаем, достаточно много подарков Одессе, привезенную скульптуру будущий городской голова оставляет, так сказать, в личном пользовании и устанавливает ее на собственной прекрасной даче с захватывающим видом на Одесский залив, что находилась в оконечности дороги к Малому Фонтану, которую только-только переименовали в Мало-Фонтанскую дорогу, и которая через тридцать два года станет Французским бульваром. Он с гордостью показывает скульптуру многочисленным гостям, а гости у хлебосольного Маразли встречались далеко не простые. Как пишет одесский исследователь и писатель Родион Феденев, «В его доме на Пушкинской жила будущий король Филипп Эммануил, принцы крови бывали на его даче по Мало-Фонтанской дороге...».

Беда на дачу пришла после октябрьского переворота, точнее, в середине 1920-х, когда по предложению одесских скульпторов М.В. Замечка и М.Ф. Безчастнова конфискованными и национализированными (читай – разграбленными) скульптурами, что находились в собственности местных аристократов, начали украшать одесские площади и скверы. Так в 1927 году в Городском саду появилась скульптурная композиция «Лев» и «Львица», исполненная в свое время талантливым французским скульптором Огюстом Каэном по заказу известного одесского сахарозаводчика Семена Бродского и украшавшая вход в его дачу, а чуть раньше трогательные «Амур и Психея» нашли прибежище в Пале-Рояле...

А вот с «Лаокооном» что-то не складывалось у новой власти с самого начала. В 1924 году в «Одесских известиях» появился анонс, извещающий горожан о том, что в ближайшее время это чудо скульптурного искусства украсит своим присутствием бульвар Фельдмана (ныне – Приморский бульвар). Но почему-то не украсило. Более того, «Лаокоон» на несколько лет вообще выпал из поля зрения общественности, чтобы объявиться весьма неожиданно в 1928 году в небольшом скверике на углу улиц Троцкого и Розы Люксембург. Чтобы читатели последних поколений сориентировались, расшифруем такие странные координаты: улица Троцкого сначала называлась Преображенской, а впоследствии – Красной армии, Советской армии и, наконец, вернулась к своему первому названию; а улица Розы Люксембург изначально называлась Полицейской, потом – Кондратенко, а сегодня – Бунина. Сквер же последовательно назывался Полицейской площадью, площадью Кондратенко, площадью Розы Люксембург, а ныне – площадью Веры Холодной. Интересно, на какой еще территории население столь азартно жаждет переименований? Эти все названия еще ведь и запомнить нужно!..

О даче Маразли и о том беспокойном времени вспоминает известный знаток одесской старины писатель Ростислав Александров: «...от дачи Маразли осталась прекрасная даже в заброшенности оранжерея и парк, против которого бульвар плавно поворачивает к морю». Вот в этом парке и простояли несколько десятилетий мрачные Лаокоон с сыновьями, обвитые змеями, – до тех пор, пока, по словам того же автора, не «...умыкнули этого троянского героя

вкупе с сыновьями из парка Маразли в то злосчастное время, когда грабили дома и дачи... С тех пор многое изменилось, и бульвару, который долгое время носил имя «Пролетарский», вернули исконное название, но Лаокоону некуда и не к кому возвращаться...».

А что же наша скульптурная гордость? Довольно долго она простояла на этом шумном, но мало посещаемом туристами перекрестке, пока в 1969 году на нее не обратила внимания очередная свалившаяся на Одессу партийная шишка, в смысле новый первый секретарь областного комитета партии. Только заинтересовала она последнего не изяществом линий и точностью пропорций, а бессовестным, с точки зрения так себе образованного партийного бонзы, изображением голых мужчин в людном месте, где ходят наши советские дети. Вот тогда и началось... Сначала «Лаокоона» оскопили (слава Богу, что мраморного), потом привесили лавровый листок несколько иного колера, потом, с большим опозданием, продолжали издеваться над скульптурой, окружив ее глухим забором. С опозданием – потому что одесский народ уже вдоволь насмеялся над безмозглыми попытками подчинить работу древнегреческих ваятелей идеям и методам социалистического реализма...

Впрочем, зачем мы все это рассказываем? Давным-давно эту жуткую историю с успехом поведал с эстрады известный юморист Геннадий Хазанов по тексту, написанному не менее известным сатириком Семеном Альтовым, у которого «Лаокоон» стал «Гераклом», а события перенесены в некий город N. Все же остальное – один к одному. Через какое-то время уже упоминавшийся нами Михаил Веллер рассказывает ту же историю, произошедшую якобы в Санкт-Петербурге, когда тот был Ленинградом. Причем снова напутал, утверждая, что в Одессе подобное вовсе не происходило. Вот чудак! Все время что-то путает, недаром, видать, к этому автору еще Сергей Довлатов имел определенные претензии, правда, по другому поводу...

А в Одессе, дождавшись, когда деятельный партийный вождь областного разлива получил новое назначение – в Киев, где начал как истинный специалист самого широкого профиля руководить Главным управлением речного флота, равнодушные горожане привели «Лаокоона» в нормальное состояние, и в 1971 году скульптурный раритет оказывается перед археологическим му-

«Лаокоон» в Одессе (правая рука Лаокоона тянется вверх!)

зеем. Ничего не скажешь: место вполне достойное и посещаемое. А территорию в сквере, на которой стоял «Лаокоон», в 1988 году успешно заняли исполненные одесским скульптором Николаем Степановым бронзовые «Петя и Гаврик», герои замечательной повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Знатоки утверждают, что это было последнее скульптурное произведение, созданное в Одессе в советское время...

И все бы хорошо, да только на новом месте не дают покоя нашему мифическому семейству безбашенные вандалы, из-за чего даже было предложено убрать «Лаокоона» в один из музейных залов, а на всеобщее обозрение выставить копию из полимерных материалов. Нам же кажется, что «Лаокоон и сыновья, удушьяемые змеями» давно заслужили у Города спокойной старости и возможности оставаться на последнем месте пребывания. На этот раз – уже навсегда. И не поленюсь повторить – *это лучшая в мире копия!* Хоть и с «неправильной» правой рукой...